

нами материал свидетельствует о том, что в современной педагогической системе активизировались метафоры с негативной оценочностью. Данные метафоры, созданные студентами и отражающие интерпретацию педагогических реалий наивным языковым сознанием, отражают разрушение ситуации общения, то есть показывают, что речь учителя не воспринимается адресатом. Таким образом, мы наблюдаем тревожную ситуацию, когда нарушено коммуникативное взаимодействие, и педагог перестает оказывать влияние на своего подопечного. Этот факт игнорировать нельзя, тем более что наблюдается значительный разрыв в оценке педагогических реалий студентами и педагогами, мешающий им эффективно взаимодействовать.

Р. С. Кимов

Композиционная семантика и соматизмы

Предлагаемая статья представляет собой первую попытку описания особенностей концептуальной интеграции в образовании структурно сложных соматизмов кабардинского языка¹.

Как известно, новый этап в понимании композиционной семантики наступает с появлением когнитивной науки и когнитивной лингвистики: проблемы организации семантических структур у разных единиц языка исследуются здесь как проблемы объективации этими единицами разных структур знания, как проблемы участия этих единиц в процессах концептуализации и категоризации мира [1].

Данный пласт лексики играет в кабардинском языке, несравненно более важную роль, нежели в русском языке, в языках европейского культурного ареала, а также в семитских и тюркских языках. Не будет, по-видимому, преувеличением, если отметить, что ни один пространственно-временной фрагмент кабардинской языковой картины мира не может быть описан без привлечения хотя бы одного из членов указанной группы. Так, сплошная выборка из наиболее авторитетного и полного на сегодняшний день Словаря кабардино-черкесского языка [2] позволила прийти к выводу о том, что из 31 тыс. слов, включенных в него, практически каждое восьмое (!) – является либо собственно соматизмом (структурно простым или сложным), выступающим в качестве самостоятельной номинативной единицы, либо в грамматикализованном виде.

¹ Один из автохтонных языков Западного Кавказа, который в официальной литературе носит название «кабардино-черкесский язык». Для краткости в дальнейшем изложении – «кабардинский язык».

Исследованию названий частей тела в разных ракурсах посвящено за последнее десятилетие большое количество работ [3]. И это, видимо, не случайно, ведь соматизмы как никакой другой пласт лексики позволяет продемонстрировать, как шел процесс обыденного познания, каким образом осуществлялась категоризация и концептуализация окружающей действительности при опоре на указанный список слов.

По справедливому замечанию многих лингвистов соматическая лексика, хотя и представляет собой вполне определенную терминосистему (мы бы добавили – закрытый список слов), однозначное установление ее границ, которое бы удовлетворяло всех исследователей, не представляется возможным. Так, еще в индийских Ведах указывалось, что только у человека имеется 500 мышц, 90 сухожилий, 900 связок, 300 костей, 107 суставов, 24 нерва, 9 органов, 400 сосудов с 700 разветвлениями [3]. Очевидным при этом является то, что для нормального общения требуется значительно меньшее количество слов. Иными словами, в процесс повседневного общения вовлекается лишь малая доля указанного количества, что убедительно доказывается довольно авторитетным лексикографическим источником – словарем С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, в котором соматическая лексика русского языка представлена 155 единицами. В кабардинском же языке количество соматизмов составляет около 300 единиц. В указанный список мы включили также названия частей тела животных, поскольку, как и во многих языках (например, языки европейского культурного ареала) за редким исключением (ср. хвост, например) данные термины «обслуживают» как человека, так и животных, включая птиц: ср.: *голова, шея, спина, грудь ребро* и т. д.). Более того, в специальной литературе отмечается, что в некоторых языках индейцев, юто-ацтекская группа, например передние ноги животных концептуализируются как руки [4]. И, наконец, еще один немаловажный факт, который заключается в том, что именно в кабардинском языке в отличие индоевропейских, семито-хамитских, тюркских языков антропоцентрическая и зооморфная (пастушеская в другой терминологии) модели концептуализации мира зачастую накладываются друг на друга, взаимодополняют друг друга.

Попытаемся показать в дальнейшем описании, как средствами этого списка слов, их различными комбинаторными вариантами, их причудливыми сочетаниями в пределах одной лексической единицы осуществлялась когнитивная вообще и процессы концептуализации и категоризации в частности. Более того, указанный список слов позволит продемонстрировать, как шел процесс познания человеком самого себя: какие части тела оказывались наиболее важными и удостоились, следовательно, большего внимания познающего субъекта, будучи нареченными в первую очередь.

Итак, из 300 единиц, структурно простыми являются по нашим данным 30 лексем, остальные же представляют собой сложные единицы, которые поддаются описанию в терминах композиционной семантики. Из этих 30 единиц наибольшим словообразовательным и семантическим потенциалом обладают так лексемы как: БГЫ *спина*; БГЪЭ *грудь*; БГЪУ *бок*; БЗЭ *язык*; БЛЭ *лопатка*; гу *сердце*; ДЗЭ *зуб*; жъэ *рот*; клэ *хвост*; ЛЫ *мясо, мышцы*; лъэ *нога, ступня*; нэ *глаз*; пэ *нос*; пкыы *тело*; пщэ *шея*; ПЛПЭ *плечо*; фэ *кожа, икура*; цы *волос, шерсть*; шхэз *голова*; ЩЫБ *спина*; Іэ *рука*; Іу *рот, зев*. Каждая из этих единиц выступает в кабардинском языке либо в прямом значении в качестве самостоятельной номинативной единицы, обозначая соответствующую часть тела, либо в метафорическом значении, выполняя при этом функцию партитивов. Одна из удивительных особенностей кабардинского языка заключается в том, на наш взгляд, что все они, хотя и с разной степенью активности и продуктивности, образуя причудливые комбинаторные варианты, соединяясь друг с другом по определенным словообразовательным моделям, обусловленным типологическими особенностями данного языка, дают наименования другим частям тела.

Иными словами, в кабардинском языке существуют соматизмы, референтам которых носители этого языка отдали, как нам видится, предпочтение на начальном этапе филогенеза, обозначив их в первую очередь, считая их наиболее важными в силу разных, только этому языку ведомых причин, среди которых мы бы осмелились отметить, выполняемую функцию, естественную (абсолютную) ориентацию и т. д. Затем в ходе усложнения когнитивного опыта, а, следовательно, при возникновении необходимости в наречении других частей тела, язык и прибегает для этих целей к их комбинаторным вариантам. Так, композиты-соматизмы с участием лексемы ЩХЪЭ *голова* в качестве одного из компонентов составляют 13 единиц: ЛЪАЩХЪЭ *верхняя часть стопы (букв. нога+голова)*; БЫДЗЫЩХЪЭ *сосок (букв. грудь + голова)*; ГУЩХЪЭ *предсердие (букв. сердце + голова)* ДАМАЩХЪЭ *верхняя часть плеча (крыло, плечо + голова)*; ПКЪЫЩХЪЭ *основные главные кости (букв. тело, костяк + голова)*; НЭКІУЩХЪЭ *верхняя часть щеки, скула (букв. щека + голова)*; НЫБАЩХЪЭ *верхняя часть живота (букв. живот+ голова)* и т. д. Во всех примерах обращает на себя внимание рекуррентность лексемы ЩХЪЭ *голова* в качестве второго (выделенного жирным шрифтом) компонента, который подвергается в подобных примерах метафорическому осмыслению (концептуализации), в то время как левые компоненты выступают в своих прямых номинативных значениях. Следовательно, первые компоненты суть обозначения соответствующей части тела, в то время как вто-

рые – части. Чрезвычайно сложно подобрать их русские эквиваленты (ведь это наивная анатомия!), поэтому мы и прибегли к буквальному переводу с указанием основ, которые, соединившись, дали название другим частям тела, которые в ходе усложнения когнитивного опыта требовали кодификации средствами кабардинского языка.

Лексема ПЩЭ *шея* менее активна, но тем не менее мы обнаружили три примера для иллюстрации. Итак, IЭПЩЭ *запястье* (букв. *рука+ шея*); коррелирующая часть ноги называется ЛЪАПЩЭ (букв. *ступня + шея*). Интересно, что с точки зрения концептосферы кабардинского языка сердце также имеет свою «шею» ГУПЩЭ *предсердие* (*сердце+ шея*). Большую активность проявляет лексема ПЭ *нос*, референт которой служит в качестве концептуального ресурса для обозначения передней части материальных объектов; ср. кончик ножа, пера в русском языке и их кабардинские корреляты, которые звучат в этом языке буквально как *нос ножа*, *пера* и т. д. Ср. также русск. *начало весны, осени*, которые звучат в кабардинском буквально как *нос весны и осени*. В настоящей статье, как мы указали, нас будут интересовать потенциальные возможности самих соматизмов для обозначения других частей тела. Так, в кабардинском языке, лексема ПЭ *нос*, осмысленная метафорически также дает наименования другим частям тела. Ср. IЭПЭ *пальцы рук, (вместе взятые), т. е. как бы начало руки* (букв. *рука, кисть руки +нос*); ЛЪАПЭ *пальцы ступни (ступня+нос)*; IУПЭ *губы* (букв. *нос+рот*). Интересно в этой связи отметить, что губы в отличие от русского и английского языков, например, концептуализируются в данном языке как единое целое и мыслятся как «начало рта, зева». Некоторые из выделенных единиц служат для обозначения базовых категорий: ср., например, ЛЫ *мясо*; ЦЫ *шерсть, перо, пух, кожура*. Так, первая единицы, выступая в качестве имени для указанной базовой категории, служит для обозначения мышц или мяса вообще. Затем, соединяясь с названиями других частей тела, образует сложное слово для соответствующего обозначения. Ср., например, ПШЭЛ *шейная мышца* (букв. *шея+мясо*), ЩХЪЭЛ (*голова+мясо*). При этом русский перевод может создать ложное впечатление о том, что это словосочетания с генетивным значением. На самом деле, это концептуально интегрированные лексические единицы, обозначающие соответствующие части тела. Ср., например, рассмотренный выше пример IЭПЩЭ *запястье*. Данное имя, как мы указали, образовано сложением двух основ (букв. *рука+шея*). Так вот, при болях в запястье вряд ли употребит фразу: «Шея моей руки болит» или же «У меня болит шея руки». По нормам данного языка он буквально должен сказать «У меня болит *рукашея*». Ср. также с другим примером со словом

ЩХЪЭЦ *волосы на голове* (букв. *голова+волос*). Так, русская фраза «Он выдрал у меня все волосы на голове» на кабардинском звучала бы примерно как «Он у меня все головаволос выдрал». В качестве возможного продолжения исследования можно предложить использование соматизмов кабардинского языка для выявления особенностей концептуализации и категоризации мира за пределами собственно человеческого тела. Анализ многочисленных примеров обещает быть весьма плодотворным: так, в кабардинском языке полночь понимается буквально как «талия ночи», а сумерки наступают тогда, когда буквально «носы облаков смыкаются...».

Библиографический список

1. *Кубрякова Е. С.* Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // *Язык и знание*. М., 2004, С. 439–459.
2. *Словарь кабардино-черкесского языка*. Нальчик, 2002.
3. *MacLaury R. E.* Zapotec Body-part locatives: prototypes and metaphoric extensions 1989.
4. *IJAL* 55:119–54. Heine Bernd 1995. Conceptual grammaticalization and prediction. *Language and the Cognitive Construal of the World* by Taylor, John R. / *MacLaury, Robert E.* (ed.) Walter de Gruyter.
5. *Апажев М. Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик 1992, С. 124.
6. *MacLaury R. E.* Zapotec Body-part locatives: prototypes and metaphoric extensions. 1989. P. 119–54.

Р. С. Кимов

Локативные предикаты и концептуализация мира

Предлагаемое исследование представляет собой результат многолетних наблюдений автора над предикатами локативного состояния в кабардино-черкесском языке (в дальнейшем для краткости – кабардинском).

Данная группа глаголов имеет давние традиции изучения в кабардинском языкознании с точки зрения их морфолого-синтаксических особенностей. Вместе с тем, стремительное развитие когнитивной лингвистики вообще и когнитивной семантики в частности, настоятельно требует нового осмысления языковых фактов под углом зрения чисто человеческого восприятия, обработки и хранения информации, поступающей к нему извне [1].